

Остров везения

Автор:

Михаил Самарский

Остров везения

Михаил Александрович Самарский

Приключения необыкновенной собаки #5Радуга для друга

В этой книге вас ждёт продолжение истории о лабрадоре-поводыре Трисоне, который никогда не оставит никого в беде! На этот раз Трисон, отправившись в круиз со своим хозяином, теряется на острове, но и здесь не тратит время зря: спасает обезьянку Чангу от браконьеров, местную девушку – от змеи, обретает новых друзей и даже воспитывает нового поводыря! Но всё это время лабрадор, глядя на туманный горизонт, мечтает, чтобы хозяин приплыл на корабле и забрал его домой...

Михаил Самарский

Остров везения

© Михаил Самарский, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Михаил Самарский написал свою первую книгу «На качелях между холмами» в 2009 году. Она получила множество положительных отзывов в СМИ и принесла молодому автору любовь не только сверстников, но и взрослых читателей. На данный момент издано более десяти его книг-бестселлеров, которые переведены на несколько языков. После окончания МГУ Михаил учился во ВГИКе на Высших курсах кино и телевидения по программам «Кинорежиссура» и «Кинодраматургия».

Посвящаю учителям московской школы № 1239.

Отвага – это неустрашимость перед лицом наступающего зла!

Платон

Глава 1

Много раз я слышал эту песенку – то в детском саду, то у соседей, а одно время даже мой подопечный Сашка напевал её. Весёлый мотивчик! Слова, правда, простоваты, но настроение песня поднимала. Помните?

Чудо-остров, чудо-остров,

Жить на нём легко и просто,

Жить на нём легко и просто!

Чунга-Ча-а-а-а-нга...

А дальше там что-то о счастье постоянно жевать кокосы, есть бананы и тому подобное. Словом, ужас полный. Скажу вам, друзья, нажевался и наелся я этого добра столько, что до сих пор вздрагиваю при виде этих тропических

деликатесов. Не дай бог никому такого «счастья»! После олигарха-охотника попал я в семью слепого академика. Кстати, его очень долго уговаривали завести себе собаку-поводыря. В России это обычное дело. Почему-то слепые думают, что с приобретением собаки-поводыря у них проблем прибавится. Вот такое мнение бытует среди слабовидящих и незрячих. Даже обидно становится. А всё потому, что очень мало информации на эту тему, вот и приходится мне восполнять этот пробел. Вы читали мои книги: «Радуга для друга», «Формула добра», «Фукусима, или История собачьей дружбы»? Обязательно прочтите. Не бойтесь, это не занудные трактаты о проблемах незрячих, не свод нравоучений и не перечень инструкций. Приключений там на всех хватит.

Василий Михайлович, мой хозяин, – добрый такой старик, ласковый и очень медлительный. Хотя, честно говоря, для меня это было очень даже удобно. Со взрослыми всё гораздо проще. Идёшь себе спокойно, смотришь по сторонам, рассуждаешь, стараешься заметить каждую кочку, каждую трещинку в асфальте, ветки, бордюры, лужи. С молодёжью так не походишь: те несутся сломя голову, того и гляди, сам куда-то врежешься.

Кстати, мой старик не любил, когда его называли учёным. Однажды у нас гостили его молодые коллеги (посетителей здесь было предостаточно), и кто-то из них начал свою речь с какой-то совсем уж вычурной фразы:

– Мы, Василий Михайлович, молодые учёные, считаем, что...

– Позвольте вас перебить, уважаемый! – воскликнул академик. – А то потом забуду.

– Да, пожалуйста, – смутился гость.

– С вашего позволения, молодой человек, мой вам совет: никогда не называйте и не позволяйте другим называть себя учёным...

В комнате повисла тишина, все замерли. Как же так? Именно молодые учёные приехали провести своего старшего и опытного коллегу, а тут такой выпад. Все переглянулись. Василий Михайлович, естественно, заметить этого всё равно не мог, потому что кто-то даже беззвучно ухмыльнулся, но через мгновение академик прояснил ситуацию:

– Наш незабвенный Лев Давидович (господа, только прошу не путать с революционером)! Я имею в виду, конечно, уважаемого Льва Давидовича Ландау[1 - Ландау Лев Давидович (1908–1968 гг.) – советский физик-теоретик, основатель научной школы, лауреат Нобелевской премии по физике 1962 года.], говорил: «Учёными могут быть собаки, и то после того, как их научат. А мы научные работники!»

Все дружно рассмеялись.

Я в то время ещё очень мало работал в этом доме, лежал и думал, обижаться мне или не стоит. Но в конце концов принял второй вариант – старик прав. Да и люди нас так часто называют – учёная собака. Мне, например, даже нравится. После беседы с наставником ребята подходили ко мне, трепали за уши, гладили, одна девушка даже угостила печенькой. Я, правда, из её рук не стал ничего брать, чтобы не подмочить репутацию поводыря, но, когда все ушли, всё же (что греха таить) проглотил этот вкусный квадратик. Ну а чего ему валяться в кабинете? Верно? Не тараканов же разводить! Тем более я понимаю, что это не чужие люди, а ученики моего подопечного, которые угостили искренне, и ожидать от них подвоха не стоит. Да, это очень серьёзная проблема для собак – не брать из чужих рук корм и тем более его не есть. Не каждая собака на это способна. Вы же, наверное, помните, что от такого незнания погибла моя прекрасная подруга Марьяна[2 - Из повести «Формула добра»]. Эх, если бы она тогда сдержалась и не съела тот треклятый кусок мяса, жила бы до сих пор. С грустью и болью вспоминаю тот случай.

Обучая своих питомцев, люди часто не придают значения правилу: ни при каких обстоятельствах, никогда и ни у кого не брать ничего съестного. Вот я сижу тут и умничаю перед вами, а сам печеньку слопал. Будем говорить честно: я поступил неправильно. Понимаю, что друзья, что люди хорошие, что это вкусно, но всё равно неправильно. Я бы, конечно, мог и промолчать, но я честный пёс и всегда говорю правду.

Если позволите, подскажу любителям собак, как привить своему четвероногому другу этот навык. Недобросовестные инструкторы сразу советуют угощение от чужого человека непременно ассоциировать с болью. Не доверяйте таким горе-дрессировщикам. Скажу сразу, если они раздают такие советы, значит, у них весь процесс обучения построен на физической боли. Одни рекомендуют попросить своих знакомых подсунуть вам в кусочек мяса жгучий перец; другие – чтобы кто-то из знакомых протянул вам вилку с лакомством и, как только вы

попытайтесь его ухватить, больно уколол вас в нос. Странные какие-то методы. Вы бы хотели выступить в роли помощника такого «учителя собак»?

А всего-то нужно каждое кормление собаки начинать после команды «можно». Вот тут необходимо прибегнуть и к помощи друзей, но только для того, чтобы, когда собака уже усвоила команду, попытаться ввести её в заблуждение: слово «можно» произносите не вы, а ваш товарищ. Всего двух – трёх раз будет достаточно, чтобы ваш подопечный понял: команду «можно» разрешается выполнять только тогда, когда её произносит хозяин. Вот и всё. Приучите свою собаку, и вы, возможно, спасёте её от преждевременной смерти.

Почему нельзя использовать болевые приёмы при воспитании питомца? Потому что это в конце концов приведёт к тому, что к вам перестанут ходить гости. Собака может стать агрессивной к любому чужаку. И если это вполне приемлемо для служебной собаки, то для домашней – отнюдь. Агрессия любая опасна, а тут ещё внедрённая. Давайте будем добрыми.

Но мы отвлеклись. Возвращаемся к нашему академику. У моего старика была очень интересная привычка. Он никогда на вопросы не отвечал «да» или «нет». Вот спросит у него кто-нибудь, к примеру: «Василий Михайлович, вы будете чай?» Другой бы просто ответил: «да» или «нет». А тут ответ следует основательный, чтобы вопрошавший ничего не перепутал: «Чай я буду». Или, например, жена у него спрашивает: «Вася, ты спать хочешь?» Он отвечает: «Я хочу спать». Первое время прямо необычно было слышать такие подробные ответы, а потом я привык. Любопытно, почему он давал такие ответы? Я думаю, из-за своего высокого звания. Ну в самом деле, академики – это же особые люди. Они столько знают, уму непостижимо. Вы напомните мне, я попозже расскажу вам о языке животных – очень интересная информация. А узнал я её от Василия Михайловича, он однажды рассказывал об этом то ли своему внуку, то ли племяннику, ну, в общем, одному любопытному молодому человеку-родственнику.

А ещё мой подопечный академик оказался очень вежливым товарищем. Представляете, он даже со мной иногда разговаривал на «вы». Конечно, я понимаю, что это для юмора, для поднятия настроения, но тем не менее всё равно было очень приятно. Я, когда в первый раз услышал, опешил. Сами представьте: лежу в спальне на коврике, поджидаю старика. Вдруг входит Василий Михайлович и говорит:

– Господин Трисон, позвольте пригласить вас на завтрак.

Я чуть дара лая не лишился. Ничего себе, думаю, дожил: господином стали называть. Братом называли, сыном называли, другом так вообще все называют, но чтобы вот так – господином... Это уже как-то слишком. Какой же я господин? Даже неловко как-то такое слышать о себе. Но неловкость продолжалась недолго. Жена академика быстро поправила:

– Ну чего развалился, боров? Иди уже ешь, а то до вечера будешь у меня голодным ходить.

Вот тебе и «Господин из Сан-Франциско» – размечтался. Один на «вы» обращается, другая боровом обозвала и чуть пинка не дала. Эх, люди-люди, до чего же вы непредсказуемые! Но всё равно даже строгая Тамара Исаевна никогда меня не обижала. Только немного побурчит-побурчит, обзовёт каким-нибудь непонятным словцом, а потом посадит возле себя и гладит меня за ухом.

Пожив здесь немного, я понял, что Тамара Исаевна в прошлом работала учительницей, но давно забросила это занятие – вышла на пенсию. Теперь она управлялась по домашнему хозяйству и тайком от всех писала стихи. Вот почему хорошо быть собакой: никто не знал, что женщина сочиняет целые поэмы, а я каждый вечер их слушал! Ну, ясное дело, не для меня нарочно она их читала. Хотя как сказать... может, и нарочно. Да. Уложит спать супруга и машет мне, мол, пошли в кабинет.

– Ложись рядышком, – говорит. – Пусть Василий Михайлович отдыхает, а мы тут поработаем.

Достаёт свои листы и начинает читать нараспев. Через миг она уже забывает, что я нахожусь рядом. Читает, читает, читает... Так это мелодично всегда звучало, что я, каюсь, где-то на двадцатой – тридцатой строчке всегда засыпал. Но меня удивляло другое – почему она никогда не читала свои произведения ни мужу, ни детям, частенько приезжавшим к нам в гости, ни другим родственникам, ни подругам. Выходит, я действительно был у неё единственным слушателем, точнее, «полуслушателем», до конца ведь никогда не дослушивал. Сейчас даже жалею об этом. Да и вспоминать как-то неудобно – всё-таки я иногда бываю совершенно бестактной собакой. Нужно над собой работать.

Семья у академика была отличной. Как я уже сказал, у них с супругой есть взрослые дети. Однажды они привезли родителям превосходный подарок и радостно с порога объявили:

- Мама, папа, дорогие вы наши, мы купили вам путёвку, круиз по океану. Побываете в двенадцати странах. Лайнер заходит на разные острова и...

- Корабль хоть не «Титаник» называется? - перебив, мрачно пошутил Василий Михайлович.

- Нет, папа, - рассмеялась дочь, - корабль называется Happy traveller.

- Ух ты! - отец даже присвистнул. - Что означает «Счастливый путешественник»?

- Конечно, - подтвердила дочь. - Ты знаешь, это такая громадная посудина! Вместимость - 2700 пассажиров. На нём только членов экипажа - 940 человек.

- Какое же у него водоизмещение? - удивился отец.

- Сейчас посмотрим. - Галина развернула рекламный проспект и стала водить пальцем по бумаге. - Ага, вот, так-так-так, 12 палуб, 14 лифтов, длина - 290 метров, водоизмещение - 88 700 тонн.

- Солидно, - покачал головой мой подопечный и спросил: - И какого года наш кораблик?

- Спущен на воду в 2010 году, - ответила Галя и обняла Василия Михайловича. - Да ты не волнуйся, папа. Всё будет хорошо.

- Спасибо, дочь. - Старик смахнул слезу. - Спасибо вам, мои дети. Жалко только, не увижу всех этих красот в океане.

- Ну ладно тебе, - махнула рукой Тамара Исаевна, - я буду тебе рассказывать. Как там у вас называется это... ну как его... подскажи!

- Что ты имеешь в виду? - удивлённо спросил Василий Михайлович.

– Ой, да слово такое мудрёное... Ну когда ты кино смотришь...

– А-а-а-а! – рассмеялся старик. – Ты имеешь в виду тифлокомментарий?

– Точно, – подтвердила супруга. – Будет тебе круиз с тифлокомментарием. – И, обратившись к детям, мама тоже стала их благодарить.

В поход собирались мы недолго, через неделю вылетели на самолёте – лайнер начинал своё путешествие в каком-то европейском городе, расположенном на Средиземном море. Не ожидая никаких подвохов, я радовался и любовался морской гладью, глазел по сторонам, ловил новые и неожиданные запахи. Вы не забыли, кто был моими предками? Для меня морская стихия – это как орлу выбраться из клетки и полетать в чистом небе.

Тамара Исаевна знакомилась с судном вместе со мной. Нацепила мне красивый ошейник (ну как же – чтобы люди ничего не подумали!), пристегнула поводок, и «дама с собачкой» вышла на палубу. Естественно, я тут быстро превратился то ли в местную достопримечательность, то ли в экзотическое животное. Право, люди какие-то странные. При виде меня они так умилялись и всплёскивали руками, словно никогда на берегу не встречали собак. Хотя, наверное, на лайнере это редкость. И всё же и там я встретил своих соплеменников. Правда, это всё были крошечные, декоративные собачонки, да к тому же мы ещё и не понимали друг друга. Единственная на всём корабле собака, разбирающая русскую речь, была такса Афродита. Видимо, хозяева у собачки были неисправимыми юмористами. Ну сами подумайте, какая из таксы Афродита? Даже я знаю, что Афродита в древнегреческой мифологии была богиней красоты и любви. А таксу вы видели? Ну вот и представьте ход мыслей хозяев этого существа, когда они придумывали ей кличку. Впрочем, это их право, и я думаю, смеяться над кличкой неправильно. Кто-то ведь и над моим именем посмеивается. Тоже, небось, говорит: подумаешь, тибетский царь тут нашёлся.

Когда я тайно посмеивался над кличкой своей новой знакомой, я и подумать не мог, что скоро превращусь в... Эх, аж страшно вспоминать.

Плыть по океану – это... даже не знаю, с чем можно сравнить. Вечерами словноходишь в зал театра и каждый раз видишь новый занавес, сотканный из водной глади, облаков и мерцающих звёзд. Неопишуемая красота, причём цвета и занавеса, и партера, и декораций всегда разные. Сегодня океан зелёный, завтра – тёмно-синий, послезавтра – фиолетовый. С небом то же самое: никогда не видел столько красок и оттенков – оно и розовое, и малиновое, и оранжевое, и совсем уж непонятного цвета – я такого отродясь не видывал. Облака иногда складывали такие замысловатые узоры, что я готов был часами глазеть на них, выискивая в них знакомые очертания. На верхней палубе мы частенько встречались с одним малышом, который вместе со мной тоже любил рассматривать облачные причуды. Очень смешной и забавный малый. И знаете, что я заметил? Глядя с ним на одни и те же узоры, мы видели совершенно разные изображения. Потрясающее явление. Однажды он как закричит:

– Мама! Мама! Смотри, на небе машинка!

Я присмотрелся и увидел, вот честное слово, большую такую сочную косточку. Сколько ни приглядывался, так никакой машинки и не заметил. В другой раз на небе я рассматривал своего давнего друга – кота Фараона, он, как мне показалось, даже помахал лапой, а мой сосед-малыш неожиданно определил, что это трактор.

– Смотрите-смотрите! – громко обратился он теперь ко всем сразу, поскольку мама его куда-то исчезла. – Смотрите, какой трактор по небу едет!

Все дружно подняли головы и принялись кивать, мол, точно, трактор, – наверное, чтобы не обидеть ребёнка. Я присмотрелся внимательно ещё разок и... Ну, в общем-то, если честно, морда у нашего Фараона действительно была похожа на тракторный отвал. Когда мне становилось грустно, на небе почему-то появлялись профили моих любимых подопечных – вот Иван Савельевич щурится, пытается жать на правильные кнопки своего допотопного мобильника, вот Сашка сидит на лавочке со своей подружкой, а вон у горизонта сидит моя бедная старушка Полина Фотиевна, некогда назвавшая меня своим сынком. Все они появляются то тут, то там. Если бы не круиз, никогда бы я не познал глубину и красоту неба. Мы ведь, поводыри, служаки приземлённые, нам на работе некогда небо разглядывать, а тут я точно как в раю.

Узнал термины морские. Вот вы знаете, кто такой кок? А что такое камбуз? А между тем это такие очень вкусенькие словечки. Кок – судовой повар, а камбуз – кухня, где повар ваяет свои кулинарные произведения. Вы, наверное, сейчас думаете: Трисон ошибся, поваров со скульпторами перепутал, дескать, это они ваяют, а коки, кулинары, повара готовят. Нет, дорогие друзья, то, что вытворяли коки (а их здесь много) на нашем корабле, это нельзя назвать просто приготовлением пищи. Я однажды увидел статую рыцаря и обомлел – залюбовался ею. Думаю, надо же, какое красивое произведение искусства. Мимо проходила семья индусов, с ними – мальчик лет шести-семи. Он остановился, посмотрел на рыцаря, отломил ему голову и сунул её себе в рот. Я испугался, первое, что пришло в голову, – сейчас поперхнётся. Ан нет. Парнишка пожевал-пожевал фрагмент скульптуры и проглотил его. Оказалось, судовые повара здесь такие хлеба выпекают. А вы говорите «перепутал».

Я всё мечтал до рубки добраться, это такое помещение на корабле, из которого управляется вся наша «посудина», как называл её Василий Михайлович. Так мне хотелось увидеть всё своими глазами. Но туда пассажиров не пускают – безопасность прежде всего. Зато я лично несколько раз общался с капитаном. Он родом из Болгарии и довольно-таки неплохо говорил по-русски.

– Лабрадор – прекрасная порода! – воскликнул капитан, встретив нас однажды с Тamarой Исаевной на палубе.

Я сразу полюбил нашего капитана. Да, кстати, пока не забыл: знаете, как на флоте ещё называют капитана? Мастер! Можете называть его капитаном, а можете – мастером. Кому как нравится.

– Полностью с вами согласна, – ответила Тамара Исаевна. – Я раньше и подумать не могла, что есть такие умные и покладистые собаки.

– Как кормят вашего красавца? – поинтересовался заботливый капитан и погладил меня. Хорошая, видимо, у меня шерсть. Иначе, пока я вернулся бы домой, точно мне на этой «лодке» плешь протёрли бы. Ну вот как кто идёт мимо, так и гладит, так и гладит. Уклоняться как-то бестактно, или вдруг покажется, что кого-то испугался, но и уши мои, по-моему, на пару сантиметров длиннее стали.

– Кормят отлично! – всплеснула руками Тамара Исаевна. – У вас еда и для людей, и для собак здесь просто превосходная, вкусная...

Мастер улыбнулся.

«Да тут любой улыбнётся. Ладно, людская еда тебе понравилась, можешь назвать её вкусной. А зачем ты нашу, собачью еду называешь вкусной? Ты же её не пробовала! Как можешь судить? Вот так, Тамара Исаевна, наговоришь лишнего, кто-нибудь подумает, что мы с тобой из одной миски едим».

Мама малыша, который у нас на палубе в должности конструктора ПТЗ (Путиловско-Кировского тракторного завода), оказалась очень ловкой и предусмотрительной женщиной. Убедившись в моих способностях, она однажды как бы невзначай спрашивает у Тамары Исаевны:

– Скажите, женщина, а это у вас собака-поводырь?

– Да, – подтвердила моя хозяйка, – он работает у моего мужа.

– Какая прелесть, – похвалила пассажирка. – Я много слышала о профессии поводыря, они такие очаровашки.

Вот это, мне кажется, лишнее. Не люблю я этих сюсюканий – «очаровашки», «мимишки», «лапочки», «цыпочки», «зайчики» и тому подобное. Когда такое говорят дети, это понятно и закономерно. Но когда взрослые люди, как-то... Не хочется никого обижать, но тем не менее скажу: немного звучит всё это неискренне. Так и получилось. И главное, вышло-то дело неплохое, я и сам с удовольствием поработал нянечкой, но с этого бы и начинала. В общем, однажды «похвалообильная» дама, успевшая уже познакомиться с нами, говорит:

– Тамара Исаевна, у меня к вам просьба: мой сынуля обожает собачек, я хотела на полчаса отлучиться, так сказать, на небольшой шопинг. Не может она (это обо мне) посмотреть за мальчиком?

– Я даже не знаю, – пожала плечами Тамара.

Исаевна, – справится ли? Плакать ребёнок не будет?

– Нет-нет, что вы? – замахала руками дама. – Не волнуйтесь! Наш Деня спокойный и не плаксивый. Вы только собачку не уводите.

– Хорошо, – согласилась Тамара Исаевна.

Женщина исчезла, а я подумал, что часа два мы её теперь точно не увидим. Но вы знаете, я ошибся – она вернулась через... четыре часа. Вдумайтесь в это! Четыре часа назад ушла на полчаса в магазин. Это же с ума можно сойти! За это время Тамара Исаевна успела на обед сходить, а мы – попутешествовать по судну. Она, может быть, и не бросила бы малыша, но у неё в каюте свой «малыш» сидит, радио слушает. Когда мы догадались с ней, что наша дама-шопоголик вовремя не вернётся, Тамара Исаевна сказала нам с Деней:

– Ну что, ребята, вы тут посидите сами?

– Посидим, ба! – Деня махнул рукой, мол, иди спокойно, словно не я тут за ним присматриваю, а он следит за мной, чтобы я в океан не нырнул. И что значит «ба»? Это он так нашу Тамару Исаевну называет? Скажите мне, где и кто воспитывает этого ребёнка?

И смех и грех. Деня мне нравился, я ведь люблю детей, но что мне было делать, когда он вдруг решил покинуть палубу? Как оказалось, в его планшете села батарейка. Облаков на небе не оказалось, а больше тут никаких «мониторов» не имеется. И как я его остановлю? Я, правда, попытался, но он оказался парнем не из пугливых. Одежды на нём – только коротенькие шорты. За что мне его хватать? Тут ведь дело деликатное. Рычать нельзя, что народ подумает? Хватать за ногу или руку – можно и травму нанести, тут кто-нибудь из взрослых с перепугу и впрямь за борт выбросит. Скажет потом, что собака сбрендила, и всё. Кому что докажешь? Я и побрёл за Деней. Думаю, хоть буду смотреть за ним, чтобы никуда не влип. По улице идёшь – и то опасно, а тут такая машина – трапы, пороги, всякие приспособления, кнехты, фальшборты. Чуть что не так, сразу лоб расшибёшь. А Дене хоть бы хны. Он ещё вдобавок ко всему возомнил себя моим хозяином.

– За мной, – говорит. – Иди рядом!

Шустрый мальчик. Иду, что мне делать, а он спрашивает:

- Тебя как зовут?

- Ав, - отвечаю, имея в виду: а раньше ты чем слушал? Нужно же хоть время от времени выкарабкиваться из своего гаджета. Хорошо хоть, облака иногда отвлекают. Ты море видел здесь? А то, может, думаешь до сих пор, что мы тут в торговом центре живём?

Странная реакция оказалась у Дени на мой «ав». Он тут же спросил у меня:

- В туалет хочешь? Сейчас сделаем!

Я и не понял сразу, чего он делать собрался. А он завёл меня в какой-то дальний уголок, посмотрел по сторонам и, махнув рукой, говорит:

- Ну, начинай!

Эх, малыш-малыш! Чего ты напридумывал? Пойдём уже, нечего мне начинать. А он не успокаивается:

- Не бойся, тебе ничего за это не будет! Начинай!

М-да! Тут нужно убегать! Но ведь и этого сорванца я не могу бросить. Мимо проходил член экипажа, Деня остановил его и пожаловался:

- Дядя, моя собачка хочет в туалет!

О чудо! Оказывается, на судне есть помещение для выгула собак. А я уже вторую неделю, как скалолаз, мучаюсь в скользком человеческом туалете. Стюарт проводил нас до нужного места и удалился. Чтобы избежать лишних споров, я вошёл в комнату и через несколько минут вышел.

- Ну, вот видишь, - довольно улыбаясь, гладил меня мальчик. - Всё хорошо! А ты волновался.

Да, в общем-то, уважаемый Деня, у меня всё было хорошо и до посещения этой комнаты.

Затем мы сходили в каюту Дени, где он оставил свой планшет, и снова отправились на верхнюю палубу. Пора было возвращаться и матери мальчика, но, мне кажется, такие мамашки не очень-то переживают за своих отпрысков. Чем-то она мне напомнила маму Рады. Помните девочку, которую я спас из воды на Бисеровских озёрах? Вот это из той же оперы. Но с пацаном мы подружились. Мне нравилась его самостоятельность и задумчивость. В таком возрасте редко встретишь таких рассудительных малышей.

Глава 3

Не знаю, сколько прошло суток, но однажды мы встали на рейд у какого-то острова. Желающих побывать на берегу доставляли туда небольшими катерами. Василий Михайлович остался в каюте и настоятельно советовал Тамаре Исаевне не брать меня с собой. Но разве можно переубедить «даму с собачкой»? Она ни в какую: пусть погуляет со мной, и хоть ты тресни.

Погулял так погулял. Сойдя на берег, Тамара Исаевна отстегнула поводок и сказала мне:

– Можешь, дружок, заняться своими делами. Только смотри не потеряйся.

Это называется «накаркала». Я забежал в кусты и, не успев заняться теми самыми своими делами, почувствовал удар по голове. Ничего себе, думаю, гостеприимный островок нам попался. Глянул вверх: там, словно вороны на проводах, сидели обезьяны на лианах и тыкали в меня пальцами. Некоторые держали в лапах какие-то странные продолговатые плоды. Я хотел было рывкнуть, но снова получил по боку чем-то упругим. Знаете, ощущение не из приятных. Обезьяны стали спускаться ниже и окружать меня.

«Так ещё и в плен возьмут», – смекнул я и бросился между двух неприятелей, которые ещё не успели сомкнуть свои ряды. Обезьяны с пронзительными воплями и визгом кинулись за мной. Я краем глаза наблюдал за берегом, чтобы и

в самом деле не нырнуть в джунгли и не заблудиться там, а эти развесёлые местные жители хохотали и продолжали премемерно визжать. Я решил ускорить движение и рванул к толстому-претолстому дереву. Думаю, оббегу его, а потом рвану к пляжу, ну, чтобы немного запутать своих преследователей. Забежав за дерево, я неожиданно почувствовал дикую боль в ногах. Не сразу сообразив, что произошло, я взвыл. И лишь через мгновение я понял, что нахожусь между небом и землёй буквально в подвешенном состоянии, головой вниз. Где-то я такое уже видел. Наверное, вы догадались, – я попал в какую-то хитрую ловушку. Обезьяны мгновенно исчезли – то ли испугались, то ли их задача была выполнена. Провисев в таком положении несколько минут, я понял, что долго не протяну, – голова стала тяжёлой, глаза словно хотели вывалиться из орбит. Начал потихоньку раскачиваться, и уже через несколько маятниковых качков мне удалось зацепиться передними лапами за ветку соседнего дерева. Я подтянулся и уселся на неё. Так-так! Уже полегче, правда, задние лапы стали затекать.

И вдруг меж ветвей я увидел наш лайнер. Его трудно было не угадать. Такие формы ни с чем не перепутаешь. Что же делать дальше? От попытки перегрызть трос, на который меня поймали неизвестные охотники, я сразу отказался – трос оказался металлическим. Какой кошмар. Неожиданно вспомнил, как когда-то мы ловили с Савельевичем карасиков. Ну скажите мне теперь, чем я от карася отличаюсь? Сейчас налетят какие-нибудь монстры и плотно поужинают собачатинкой. И всё! И наплевать им на твой опыт поводыря, на то, что ты учился в специальной школе...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Ландау Лев Давидович (1908–1968 гг.) – советский физик-теоретик, основатель научной школы, лауреат Нобелевской премии по физике 1962 года.

2

Из повести «Формула добра».

Купить: https://tellnovel.com/ru/samarskiy_mihail/ostrov-vezeniya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)